

Стратегия взаимоотношений
евангельских общин с советской властью
в БССР в 20–30-е годы XX в.

Татьяна В. Лисовская

*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, Lisouskaya@bsu.by*

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации отношения верующих позднепротестантских общин БССР с советской властью в 1917–1939 гг. Автором выделены три периода, отличающихся стратегией выстраивания отношений евангельских верующих с советской властью (1917–1926 гг., 1926 – начало 30-х годов, вторая половина 30-х годов). На первом этапе белорусские общины заняли стратегию нормализации религиозной деятельности в существующих политико-правовых условиях и были настроены на легальную деятельность в рамках правового поля. Во второй половине 20-х годов в связи с принуждением руководства центральных общин к признанию обязательности военной службы, запретом религиозного обучения детей, административными ограничениями в деятельности общин тональность в отношении белорусских общин к советской власти изменяется – идет нарастание недоверия. Активная антирелигиозная политика в БССР с начала 30-х годов, репрессии в отношении верующих определили трансформацию отношения евангельско-баптистских и адвентистских верующих БССР к советской власти в сторону от нейтральности до неприятия. Выработанная стратегия отношений позднепротестантских общин БССР к советской власти в 30-х годах базировалась на принципе демонстративной аполитичности и дистанцирования от любой политической активности, белорусские общины перешли к стратегии самосохранения, используя нелегальные формы организации религиозной деятельности.

Ключевые слова: поздний протестантизм, евангелизм, государственно-церковные отношения, Беларусь

Для цитирования: Лисовская Т.В. Стратегия взаимоотношений евангельских общин с советской властью в БССР в 20–30-е годы XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 157–175. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-157-175

Strategy of relations between evangelical communities and the Soviet government in the BSSR in the 20–30s of the 20th century

Tatsiana V. Lisouskaya
*Belarusian State University, Minsk,
Republic of Belarus, Lisouskaya@bsu.by*

Abstract. The article analyses transformation of the believers attitude in the late Protestant communities of the BSSR to the Soviet government in 1917–1939. The author identifies three periods different in their strategy of building relations between evangelical believers and the Soviet government (1917–1926, late 1920s – early 1930s and the second half of the 1930s). At the first stage, the Belarusian communities adopted a strategy of normalizing religious activity under the existing political and legal conditions. They were determined to operate within the legal framework. In the second half of the 1920s, as the heads of the central communities are forced to recognize compulsory military service, ban on religious education for children, administrative restrictions on communities' activities, Belarusian communities' attitude to the Soviet government changes towards greater mistrust. Active anti-religious policy in the BSSR from the beginning of the 1930s, repressions against believers resulted in the transformation of the attitude of Belorussian Evangelical-Baptists and Adventists to the Soviet power changing it from neutrality to rejection. The developed strategy of the late Belorussian Protestant communities' attitude to the Soviet power in the 1930s was based on the principle of their demonstrative apolitical nature and distancing from any political activity. At the last, Belarusian communities adopt the strategy of self-preservation, using illegal forms of religious activity.

Keywords: late Protestantism, evangelism, state-church relations, Belarus

For citation: Lisouskaya, T.V. (2025), “Strategy of relations between evangelical communities and the Soviet government in the BSSR in the 20–30s of the 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relationships” Series*, no. 5, pp. 157–175, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-157-175

Введение

Проблематика взаимоотношений верующих позднепротестантских общин БССР с советской властью в 1917–1939 гг. является одним из белых пятен в исторической науке Беларуси. Появившиеся в белорусских губерниях в конце XIX в. евангельско-

баптистские и адвентистские общины легализуются в правовом поле только с 1906 г. Однако с началом Первой мировой войны вновь попадают под ограничительные нормативно-правовые акты и мероприятия властей. В связи с этим формирование отношения позднепротестантских общин к новой советской власти – это прежде всего вопрос отношения верующих к властям в принципе, вопрос появления надежды на реализацию свободы совести и вероисповедания в условиях новой государственно-конфессиональной системы и трансформации этих взглядов в ходе становления советской власти.

При изучении религиозной сферы в БССР в 20–30-е годы основное внимание белорусских исследователей уделено вопросам анализа государственно-конфессиональных отношений, государственной политики СССР и БССР в отношении отдельных конфессий, их правовому и социально-экономическому статусу в работах Н.В. Довгяло [Довгяло 2012], И.И. Янушевича [Янушевич 2005], Т.В. Лисовской [Лисовская 2024]. Среди российских исследователей можно выделить работы Н. Потаповой [Потапова 2019], З.В. Калиничевой [Калиничева 1972], Л.А. Королевой [Королева 2013], М.Ю. Крапивина [Крапивин 1997], Т.К. Никольской [Никольская 2009], анализирующие формирование официальной позиции центральных позднепротестантских организаций в отношении советской власти. При разработанности проблематики государственно-конфессиональных отношений вопросы отношения верующих в советской власти в белорусских и российских исследованиях затрагиваются достаточно редко. Вопрос отношения верующих БССР к государству в 30-е годы отражена в работе А.С. Калининой [Калинина 2012], где систематизированы проявления сопротивления верующих всех конфессий в рамках пассивных и активных форм. В работах И.И. Романовой [Романова 2019; Романова 2012] рассмотрены вопросы участия верующих в переписи 1937 г. и восприятие верующими советской власти в период активных репрессий 30-х годов. Вместе с тем вопросы формирования и трансформации позиции позднепротестантских общин БССР в 20–30-е годы практически не изучены. Целью статьи является выявление особенностей формирования и трансформации позиции белорусских позднепротестантских общин в отношении советской власти в БССР в 1917–1939 гг.

Источниковую базу исследования составили материалы съездов Всероссийского союза евангельских христиан, Российского союза евангельских христиан и баптистов, Всесоюзного союза адвентистов седьмого дня, съездов Минского окружного союза евангельских христиан, материалы административных процессов

и делопроизводства органов местной власти, отчеты НКВД и ОГПУ, местных органов власти об общественно-политическом положении в районах БССР. К сожалению, в связи с переходом общин на нелегальное положение в конце 30-х гг. и немецкой оккупацией БССР, документация общин 20–30-х годов не сохранилась. При анализе процесса разработки позиции центральных структурных организаций были применены историко-типологический и историко-сравнительный методы, для выявления особенностей отношения верующих к государственным властям применен дискурс-анализ.

*Позиция евангельских движений
в условиях политического кризиса
и первых лет советской власти*

Вопрос об отношении белорусских позднепротестантских общин к новой советской власти в первые послереволюционные годы и до начала Великой Отечественной войны достаточно деликатный. На формирование позиции белорусских общин оказало влияние, прежде всего то положение, в котором находились белорусские общины до установления советской власти. Положение позднепротестантских верующих в белорусских губерниях накануне 1917 г. находилось в зависимости от того факта, что Русская православная церковь являлась оплотом русского государства в поликонфессиональных белорусских губерниях, что подразумевало нивелирование любой возможности снижения ее влияния за счет распространения иных вероисповеданий. Развитие евангельско-баптистских общин преимущественно за счет белорусского православного населения вызывало не только правовые ограничения их деятельности, репрессии в отношении верующих и формирование представления о девиантности членов «сект, отпавших от православия», но активное использование административного ресурса для ограничения деятельности. Несмотря на либерализацию религиозной политики в 1905–1906 гг., местные власти максимально стремились ограничить возможность переходов из православия в «секты», затягивали процесс регистрации общин, нередко вероисповедные переходы в секты запрещались¹. В короткий период до Первой мировой войны были зарегистрированы только 5 общин на территории всего Северо-Западного края, мест-

¹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48 596. Л. 294.

ные власти чинили препятствия для деятельности общин². Начало Первой мировой войны, продвижение немецких войск и частичная оккупация территории Северо-Западного края к 1915 г. вызвала волну гонений в отношении неправославных религиозных движений, в особенности на территории белорусских губерний. С 1915 г. руководителям общин и организаций, попавшим под подозрение в нелояльности к Российской империи и связях с Германией, было предписано переселиться вглубь России, в прифронтовых белорусских территориях особое внимание властей уделялось пресечению антивоенной пропаганды сектантов, которые были поставлены под особый надзор³ и т. д.

Дискриминационное положение евангельского движения Беларуси, преследования белорусских евангельских верующих, усиление давления на них во время Первой мировой войны создали условия для осторожного, но позитивного восприятия позднепротестантскими верующими новой власти в первые годы установления советской власти в БССР. Законодательное закрепление базовых принципов религиозной политики большевиков в Декрете Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. (аналогичный Декрет СНК ССРБ от об отделении церкви от государства и школы от церкви 11 января 1922 г.⁴) – отделение церкви от государства и школы от церкви, свобода вероисповедания, равенство всех конфессий, ликвидация доминирования православной церкви. Декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г.⁵ продемонстрировал евангельским общинам заинтересованность новой власти в отношениях с протестантами и во-многом обеспечил лояльность верующих.

Докладная записка И. Проханова, уполномоченного Советом Всероссийского союза евангельских христиан (ВСЕХ), в Совет народных комиссаров РСФСР в октябре 1920 г. декларировала лояльность евангельских христиан новой власти «После многих лет

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 162. Л. 124–126.

³ Там же. Оп. 10. Д. 597. Л. 5–6.

⁴ Конфессиональная политика советского государства: 1917–1991 гг.: Документы и материалы: В 6 т. Т. 1: В 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 1 / отв. сост. М.И. Одинцов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 821–822. (Серия «История сталинизма»)

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 8155. Л. 1; Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 282–283.

жестоких гонений за веру при старом режиме евангельские христиане с великою радостью приветствовали наступление свобод провозглашенных революцией»⁶. Первые шаги советской власти в отношении протестантов, восприятие новой власти евангельскими христианами и, в частности, И. Прохановым как демократичной и открытой в первые годы позволяли рассчитывать на построение конструктивного диалога. XXV Всероссийский съезд баптистов в 1923 г. также декларировал лояльность к советской власти: «Съезд подтверждает неизменно лояльное отношение к советскому правительству с момента его возникновения до сего времени... считает для баптистов недопустимым участие в союзах и организациях, ставящих целью свержение советской власти»⁷. Всесоюзный союз адвентистов седьмого дня (ВСАСД) в марте 1923 г. в заявлении ВЦИК официально признал советскую власть: «не может быть речи о реакции, контрреволюции, кулачества, стремления возратить старый строй»⁸.

Такая позиция ВСЕХ, Всероссийского союза баптистов, ВСАСД, в которые входили белорусские общины на правах региональных (союзных) структур, в целом была созвучна позиции белорусских общин. Аполитичность позднепротестантского движения, концепция непротивления и подчинения властям, закрепленные в вероучении баптистов, евангельских христиан, адвентистов седьмого дня, полностью принимались белорусскими общинами. Белорусские общины, будучи по своему социальному составу преимущественно крестьянскими, бедняцко-середняцкими (по отдельным данным за 1926 г.: бедняки – 55%, середняки – 45%⁹) и учитывая предыдущий опыт взаимодействия с властями, стремились избегать прямого взаимодействия и конфронтации с новой властью, предпочитая занимать нейтральную позицию. Несмотря на отдельные попытки приобщить верующих (особенно евангельских христиан) к общественной активности, сделать их частью активной политической жизни [Калиничева 1972], белорус-

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р–130. Оп. 4. Д. 286. Л. 24–27.

⁷ Конфессиональная политика советского государства: 1917–1991 гг. ... Кн. 4: Религиозные объединения, духовенство и верующие, общественные организации и граждане о вероисповедной политике советского государства и религиозной ситуации в стране. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

⁸ Голос истины. 1927. № 4. С. 30–31.

⁹ Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2325. Л. 23; Д. 1699. Л. 24.

ские общины оставались в стороне от политической активности. Политические действия отмечены лишь в исключительных случаях: в 1924 г. община евангельских христиан Могилевской губернии включила в список кандидатов на выборах в сельский совет двух кандидатов, которые и были избраны в сельсовет¹⁰.

Основную свою задачу белорусские общины видели в осуществлении нормальной повседневной религиозной деятельности. В связи с этим в начале 20-х годов после урегулирования геополитического положения БССР по окончании Советско-польской войны общины заняли стратегию нормализации религиозной деятельности в действующих политико-правовых условиях и были настроены на легальную деятельность в рамках правового поля. Следует отметить, что при проведении I организационного съезда Минского окружного союза евангельских христиан 3–4 февраля 1922 г. вопрос отношения к государству не поднимался даже в форме формальных благодарственных высказываний. При обсуждении организационных вопросов в рамках съездов Минского окружного союза в 1922–1923 гг. роль государства была воспринималась исключительно как регистрирующая, а не регулирующая, решениями съездов общины и организационные структуры должны были пройти обязательную государственную регистрацию¹¹.

С момента формирования нормативно-правовых основ деятельности религиозных общин общины начали процесс легализации. Одной из первых была зарегистрирована Освейская община евангельских христиан – зарегистрирована Дрисненским исполкомом РСФСР 12 июня 1922 г. по заявлению 15 членов общины¹². После нормативно-правового оформления процесса регистрации общин (издания Постановления Президиума ЦИК БССР «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли и о порядке надзора за ними» от 13.10.1922 г., Инструкции ЦИК БССР «О регистрации обществ, союзов и объединений» от 13.10.1922 г., Инструкции НКЮ и НКВД

¹⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. документов: В 10 т. Т. 3: В 2 ч.: 1925 г. Ч. 1 / Ин-т рос. истории РАН; Центр. архив ФСБ РФ; Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций; Ренвалл-институт (Хельсинский ун-т) АН Финляндии; Александровский ин-т (Финляндия); Калифорнийский ун-т (Лос-Анджелес, США); Центр исслед. и архивов сталинского периода ун-та Торонто (Канада). М., 2002. С. 111.

¹¹ НА РБ. Ф. 60р. Оп. 3. Д. 560. Л. 4–9; Ф. 34. Оп. 1. Д. 166. Л. 44, 150–153.

¹² Зональный архив Полоцкой области. Ф. 36. Оп. 1. Д. 230. Л. 146.

от 15.04.1923 г.) позднепротестантские общины уже в апреле–июне 1923 г. массово стали подавать документы на регистрацию¹³ и при наличии всех необходимых документов и соответствия уставов общин требованиям законодательства общины регистрировались. По официальным данным Секретариата ЦК КП(б)Б, в БССР в 1925 г. насчитывалось 46 «сектантских» общин общей численностью 2584 человека¹⁴. В Докладной записке «О сектантском движении в Белоруссии» указывалось, что в 1923–1925 гг. рост числа общин составил примерно на 40% [Довгяло 2014]¹⁵. В 1929 г. в БССР действовали 41 община евангельских христиан, 27 общин баптистов, 6 общин адвентистов седьмого дня, общей численностью 4754 верующих [Янушевич 2005]. На начало 30-х годов в БССР насчитывалось уже 86 позднепротестантских общин¹⁶.

В первой половине 20-х годов центральные власти старалась ограничить негативные проявления в деятельности местных органов в отношении общин, основанные на дореволюционной стигматизации позднего протестантизма как «сект, отпавших от православия». Исполком Витебской губернии получил указание отменить практику испрашивания разрешения на проведение молитвенных собраний у евангельских христиан-баптистов¹⁷. Председатель Борисовского поветового исполнительного комитета А. Хацкевич в ответ на запрос Председателя ЦК БССР Т. Червякова 29 мая 1923 г. отметил, что «несмотря на многие постановления волкомачеек и волостных исполкомов по изъятии молитвенных домов различных культов, Укомам и Уисполкомам было дано указание воздерживаться от подобных действий и никаких эксцессов или недопониманий по этому поводу не было»¹⁸.

Такие действия советской власти в первые годы позволили противопоставить советскую политику дореволюционной политике в представлении евангельских верующих, и советская власть стала восприниматься как сторонница. Это обеспечило нейтральное отношение белорусских протестантов к советской власти. Секретарь Россонского райкома КП(б)Б в Докладной записке в 1925 г. указывал, что баптисты «по своему убеждению и по религиозным законам повинуются как власти, которую они

¹³ НА РБ. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 187. Л. 1, 13, 35, 57, 65, 97.

¹⁴ Там же. Ф. 4п. Оп. 10. Д. 45. Л. 5.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 2325. Л. 15.

¹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1900. Л. 15.

¹⁷ Проханов И.С. В котле России: 1869–1933. Чикаго, Иллинойс: Изд-во Всемирного союза евангельских христиан, 1992. 263 с.

¹⁸ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1104. Л. 216.

признают как богоданную. Антисоветской агитации за ними не замечено»¹⁹.

*Нарастание противостояния
в отношениях позднепротестантских общин
и государственных властей
(конец 20-х – начало 30-х гг.)*

В ходе подготовки и проведения XIII съезда РКП(б) в 1924 г. в советском руководстве усилились дискуссии по вопросу об отношениях с «сектантами», поэтому вопреки резолюции «О сектантстве», начиная с конца 1924 г. постоянно усиливаются давление на позднепротестантские общины [Крапивин 2003]. Принятое 7 апреля 1927 г. Постановление ЦК ВКП(б) «О сектантстве» определило курс на борьбу с позднепротестантским движением²⁰. В августе 1927 г. в тезисах ЦК КП(б)Б сектантство характеризовалось как «оружие в руках кулачества для уменьшения и притупления классовых чувств трудящихся». В связи с этим по БССР прокатилась волна выявленных случаев финансирования деятельности баптистов из-за рубежа. В первой половине 1927 г. в БССР было организовано «Добрушское дело» – разоблачение группы баптистов, деятельность которых субсидировалась из-за границы²¹. Среди поставленных задач по усилению пропагандистской и разъяснительной антирелигиозной работы Бюро ЦК КП(б)Б в 1928 г. постановило организовать борьбу с сектантством, окружкам предписывалось обратить особое внимание на очаги распространения «сектантства» – Могилёв, Гомель, Бобруйск и Мозырь.

Двойственность политики советской власти в религиозном вопросе и в отношении к позднепротестантским общинам привел центральные протестантские организации к осознанию необходимости уступок советской власти для демонстрации лояльности. Одним из вопросов, вызвавшим расхождения в позднепротестантской среде между центральными организациями и поместными общинами и повлиявшим на отношение белорусских общин к советской власти, был вопрос службы в армии с оружием в руках.

Всероссийский союз евангельских христиан (ВСЕХ) уже в августе 1923 г. в обращении «Ко всем верующим» призвал «...работать

¹⁹ Государственный архив общественных организаций Гомельской области (ГАООМО). Ф. 6601. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 627. Л. 10–11.

²¹ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508. Л. 1.

искренне и беспрекословно во всех советских, военных и гражданских учреждениях, а также нести службу в Красной Армии и не отказываться вообще от таковой». В сентябре 1923 г. IX Съезд евангельских христиан под давлением властей принял вынужденную позицию И. Проханова в пользу признания военной службы. При этом в Послании ВСЕХ к общинам указывалось, что исполнение воинской обязанности «...производится каждым евангельским христианином, по его убеждению, согласно существующим по сему вопросу законов Советской республики». Аналогичные решения под давлением государственных органов были приняты Союзом адвентистов седьмого дня на V Всесоюзной конференции 16–23 августа 1924 г., в 1926 г. – XXVI Всесоюзным съездом баптистов.

В связи с особенностями построения организационной структуры всесоюзных позднепротестантских организаций достаточно сложно вывести общую, солидарную позицию союзных организаций и белорусских общин по поводу общественно-политических процессов, государственной власти, принципов жизнедеятельности общин. В 20–30-е годы каждая поместная община являлась самодостаточным, самостоятельным, автономным образованием, определявшим свою текущую деятельность, центральным структурам было предоставлено лишь право формулировать пожелания, имевшим рекомендательный характер. Поэтому принятые ВСЕХ, Федеративным союзом баптистов, ВСАСД решения по вопросу военной службы, затрагивающее вероисповедные основы, были противоречиво приняты верующими. Как отмечал Е.А. Тучков в сентябре 1923 г. в докладе «О церковниках и сектантах», Постановление Съезда взволновало баптистов, и они стали искать выхода в этой ситуации²². Учитывая независимую позицию региональных отделов и общин, резолюции должны были быть утверждены на местном уровне. На областных съездах в БССР при обсуждении Резолюции ВСЕХ часть общин поддерживали решение ВСЕХ, однако часть общин восприняли Резолюцию как противоречащую совести и выступили категорическим против. В Могилевской округе 4 общины евангельских христиан были разделены на два лагеря, прекратили всяческие коммуникации и финансовую поддержку белорусскому центру движения²³. Часть общин баптистов Гомельской области отказались признать резолюцию съезда и были исключены из Союза²⁴. Витебский окружной отдел ГПУ в 1929 г.

²² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 4–6.

²³ ГАОМО. Ф. 6577. Оп. 1. Д. 402. Л. 139.

²⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)... Т. 5: 1927 г. М., 2003. С. 333.

сообщал, что среди позднепротестантских общин Витебского округа обязательность военной службы признали только евангельские христиане. Баптисты, адвентисты и пятидесятники проводили антимилитаристскую пропаганду²⁵.

Все вышеуказанное постепенно вело к изменению тональности в отношении белорусских общин к советской власти и к росту недоверия. В докладной записке, представленной делегацией Федеративного союза баптистов в 1929 г. в ЦИК СССР указывалось о верности баптистов правительству СССР, но ОГПУ отмечало, что баптисты рассматривают политику правительства СССР как отказ от принципа свободы совести и просят об устранении гонения, предоставлении человеческих прав наравне со всеми гражданами, о предоставлении возможности внешкольного воспитания баптистским детям и т. д.²⁶

*Изменение отношения евангельских верующих
к советской власти в период радикальной
антирелигиозной политики второй половины 30-х годов*

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. окончательно закрепило изменения в политике правительства в отношении евангельских движений. Начиная с 1929 г. практически останавливается процесс регистрации общин. Ситуацию немного поправила статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», а также появившиеся после ее публикации массовые жалобы в прокуратуру и в комиссию по вопросам отделения церкви от государства по незаконному закрытию молитвенных домов всех культов. Так, Бриневской общине евангельских христиан Петриковского района в ноябре 1929 г. было отказано в регистрации, однако 30 декабря 1929 г. Комиссия по вопросам культов утвердила Постановление о регистрации общины²⁷. Во второй половине 30-х гг. практически прекратилась регистрация религиозных общин в БССР, действующие общины постепенно снимались с регистрации за выявление «контрреволюционных элементов» в их составе²⁸. Молитвенные дома под-

²⁵ Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 10 051п. Оп. 1. Д. 705. Л. 117.

²⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)... Т. 5. С. 658.

²⁷ НА РБ. Ф. 750. Оп. 1. Л. 567. Л. 29 об.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 64. Л. 53.

верглись национализации: в 1933 г. был изъят молитвенный дом старейшей в Беларуси общины баптистов в д. Уть²⁹, в 1935 г. под электростанцию изъят молитвенный дом баптистов в Гомеле³⁰, под лечебное учреждение изъят молитвенный дом баптистов в Слуцке³¹, в 1939 г. молитвенный дом общины ЕХБ д. Подоресье был передан под школу³² и другие. В 1937 г. официально были ликвидированы все зарегистрированные общины евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, евангельских христиан в духе апостольском и АСД в БССР [Канфесіі 1998], большинство пресвитеров были репрессированы. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР отмечала, что на 1 апреля 1936 г. в БССР осталось функционировать 10,9% молитвенных домов всех конфессий по сравнению с 1917 г. В 1937 – в начале 1938 г. органами НКВД БССР был ликвидирован ряд «контрреволюционных сектантских» организаций и групп, по которым арестовано и осуждено 860 человек³³.

Активная антирелигиозная политика в БССР, делегализация религиозной деятельности, репрессии в отношении верующих определили трансформацию отношения евангельско-баптистских и адвентистских верующих БССР к советской власти в сторону от нейтральности до неприятия. В дискурсе белорусских верующих отмечается формирование негативного, враждебного протестантам образа советской власти, антагониста Божьей власти. Агрессивная религиозная политика и ломка традиционного уклада жизни, особенно в сельской местности в связи с насильственной коллективизацией, вела к формированию представлений о колхозах, как о не Божьем пути: «В колхоз вступишь – черту душу отдашь», «Из Библии видно, что кто запишется, тот продается антихристу и будет отвечать своей смертью». В 1931 г. в докладе помощника начальника УПО и войск ПП ОГПУ по Белорусскому военному округу А.Б. Романенко о политико-экономическом положении погранрайонов БССР отмечено, что сектанты предвещают неизбежную гибель советской власти и скорый конец света³⁴.

Изменение отношения евангельских верующих к советской власти и противопоставление Божьей власти советской власти ставило вопрос и о способе реакции на государственные меропр-

²⁹ НА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 265.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 63 (т. 1). Л. 52–53.

³¹ Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.

³² НА РБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 43. Л. 71.

³³ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13 219. Л. 56–77.

³⁴ Там же. Д. 2514. Л. 307–329.

ятия. На общих собраниях общин и на региональных собраниях на протяжении 30-х годов верующие обсуждали свои возможные действия. В 1936 г. в д. Михайловка Наровлянского района было создано общее собрание баптистов по вопросу подписки на заем³⁵. В Лепельском районе 28 декабря 1936 г. на совещании верующих по вопросу переписи было принято решение не принимать участия в переписи и не отвечать ни на какие вопросы³⁶. В апреле 1937 г. в д. Дубовица Струкачевского сельского совета было проведено межрайонное собрание общин баптистов, куда приехали верующие из Рогачева, Чечерска и пяти деревень Кормянского района для обсуждения паспортизации³⁷.

Деятельность советской власти верующими белорусских общин воспринималась категорически негативно, в любых, даже нейтральных действиях виделся антицерковный подтекст. Административные процедуры, имеющие религиозно-нейтральный характер (паспортизация, избирательные процессы, выдача пособий и др.), трактовались верующими в религиозном контексте. Это выразилось в неприятии советских административных процедур, отдельных аспектов советской культуры. Выработанная стратегия отношения к советской власти позднепротестантских общин БССР базировалась на принципе дистанцирования от любой политической активности, демонстративной аполитичности. В июне 1937 г. отказались от оформления паспортов в Житковичском районе – 23 баптиста³⁸, в Туровском районе в 1937 г. – 100 человек³⁹, в 1938 г. – уже 183 человека⁴⁰. Верующие отказывались и от пособий по многодетности⁴¹, стремились отгородить своих детей от влияния атеистической советской культуры, запрещая им посещать кино и пропагандистские лекции, разучивать стихи и петь в школе советские песни⁴².

Вопрос неприятия советской власти обострился во время проведения Всесоюзной переписи населения 1937 г. Во время Всесоюзной переписи 1937 г. в позднепротестантском дискурсе о советской власти был сформирован тезис о клеймении, что отражает актуализацию хилиастических верований, в которых советская власть ассоциируется с Антихристом. Перепись воспринималась

³⁵ Там же. Д. 10 879. Л. 50–53.

³⁶ Там же. Д. 12 097. Л. 38.

³⁷ Там же. Д. 12 082. Л. 154–156.

³⁸ Там же. Д. 12 099. Л. 348–399.

³⁹ Там же. Д. 12 059. Л. 22–35.

⁴⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1400. Л. 71–77.

⁴¹ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13 219. Л. 74; Д. 12 058. Л. 80–84.

⁴² Там же. Д. 11 868. Л. 398.

как клеймение, а советские власти трактовались как «власти не от Бога», «власти нечистой силы», «власти антихриста»⁴³. В Ветринском районе БССР обсуждалось, что «...верующих будут судить, неверующим ставить клеймо», в Ушачском районе – «Скоро будут ходить антихристы и будут ложить клеймо», «В переписном листе есть клеточки, и если в эту клетку попадешь и распишешься, то не будешь спасен». В Астрашинском, Швабском и других сельсоветах ходили разговоры, что при переписи будут клеймить людей, и тех лиц, которые запишутся неверующими, и будут высылать их за пределы района. В Смиловичском районе евангелист говорил группе граждан: «Пришел конец света, всем верующим будут ставить штампы иголками на груди»⁴⁴. Многие верующие заняли позицию игнорирования переписи и прекратили всяческие коммуникации с государственными властями и с переписчиками. Особую массовость такая позиция приобрела в Лепельском районе: во время проведения предварительной переписи от ответов на вопросы переписчиков отказались отвечать 52 семьи (общей численностью 230 взрослых и детей), в связи с чем они были названы «молчальниками». До 18 января 1937 г. 189 человек продолжали сохранять молчание⁴⁵. Органы НКВ отмечали, что движение «молчальников» распространилось и на другие районы Беларуси⁴⁶, инциденты имелись в 17 проверенных приграничных районах. В Туровском районе под влиянием 14 «молчальников» 46 человек не голосовали, в д. Погост не голосовали 56 верующих, в д. Черничи – 58, д. Запесочье Житковичского района – 58⁴⁷.

Следует отметить, что в период активной антирелигиозной и репрессивной деятельности советских органов среди форм реакции позднепротестантских общин Беларуси активные формы сопротивления, такие как выступления против снятия общин с регистрации и национализации молитвенных домов, сбор подписей и коллективные прошения, о регистрации общин, ходатайства за арестованных пресвитеров, практически не фиксировались. В 1937 г. в 40 районах БССР были поданы 34 заявления об открытии церквей, костелов и синагог и только 1 заявление об открытии молитвенного дома⁴⁸. Отмечены только отдельные призывы

⁴³ Там же. Оп. 21. Д. 923. Л. 2–7; Оп. 21. Д. 988. Л. 175, 180, 181, 185; Д. 1111. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 12 099. Л. 175–189.

⁴⁵ Там же. Д. 12 020. Л. 19.

⁴⁶ Там же. Д. 13 219. Л. 72.

⁴⁷ Там же. Л. 73.

⁴⁸ Там же. Д. 12 099. Л. 348–399.

позднепротестантских верующих к активным выступлениям против советской власти в 1931 г., которые так и не переросли в активные действия: «Братья! Вот теперь забрали мясо, хлеб и полотно. Нам надо сплотиться воедино и сделать такой бунт, чтобы о нем было слышно в Польше и других странах. Пусть видят все, как нас здесь угнетают»⁴⁹.

Ломка жизненных устоев, традиционных форм проявления религиозности, активная антирелигиозная пропаганда, стремление к сохранению собственной религиозной идентичности вели к формированию новых целей, а также форм и способов религиозной самоорганизации. В 30-х годах позднепротестантские общины переходят к стратегии самосохранения, используя нелегальные формы организации религиозной деятельности. В Гомельской области в 1940 г. из 29 остались 2 общины, действующие нелегально. В Минской области в 1940 г. действовали нелегально 18 общин⁵⁰, в Могилевской области – 17 общин⁵¹. Как форма организации религиозной жизни, распространение получили так называемые «домовые церкви», когда община или группа верующих собиралась в доме у единоверца для служения нелегально. Верующие пятидесятники г. п. Елизово Осиповичского района (до 100 человек) до Великой Отечественной войны проводили собрания по квартирам и в лесу⁵². В 1938 г. отмечалось, что в ряде мест выявлены вновь организованные «антисоветские группы сектантов». Особенное оживление отмечалось в Осиповичском, Хойникском, Бегомльском, Наровлянском и др. районах БССР⁵³. Наличие активных нелегальных общин в Полесской области в 1940 г. неоднократно поднималось на заседании Полесского обкома КП(б)Б, особенно в Наровлянском и Ельском районах⁵⁴.

Заключение

Вопрос об отношении белорусских общин к советской власти в 20–30-е годы достаточно сложный. Отсутствие практики принятия общеобязательных решений в системе позднепротестантских организаций СССР, самодостаточность, самостоятельность и авто-

⁴⁹ Там же. Д. 2514. Л. 307–329.

⁵⁰ Там же. Ф. 952. Оп. 3. Д. 41. Л. 41.

⁵¹ Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 92–93.

⁵² Там же. Оп. 2. Д. 434. Л. 15.

⁵³ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13 219. Л. 56–77.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 357. Л. 132.

номность общин определили отсутствие солидарной позиции центральных организаций и поместных белорусских общин. На формирование стратегии белорусских общин во взаимоотношениях с советской властью оказал влияние ряд внешних и внутренних факторов: положение белорусских общин до 1917 г., политика советской власти и ее трансформация, вероучительные принципы, позиция центральных протестантских организаций и рядовых верующих. В связи с этим в 20–30-е годы практически отсутствовала единая стратегия выстраивания отношений с государством на уровне центральных организаций и белорусских общин, которые не всегда были едины во взглядах на общественно-политические процессы и участие верующих в них.

В 20–30-е годы можно выделить три периода, в которые наблюдается изменение отношения белорусских общин к советской власти в БССР: I период – 1917–1926 гг., II период – 1926 – начало 30-х годов, III период – вторая половина 30-х годов. На первом этапе белорусские общины заняли стратегию нормализации религиозной деятельности в существующих политико-правовых условиях и были настроены на легальную деятельность в рамках правового поля. Со второй половины 20-х годов идет нарастание недоверия верующих к советской власти. Триггером стали не только начинающиеся притеснения верующих, но в большей степени выраженное стремление советской власти внедряться в вероисповедные основы, что особенно проявилось в вопросе военной службы, ограничении религиозного воспитания детей и политике воспитания нового человека «советского» типа через контроль личностных мировоззренческих основ человека. С середины 30-х годов активная антирелигиозная политика в БССР, репрессии в отношении верующих и политика по формированию человека «нового» типа определили категорическое отношение к советскому государству и его институтам. Стратегия позднепротестантских общин БССР в отношении к государству в 30-х годах была направлена на сохранение религиозной идентичности в агрессивном атеистическом государстве. Необходимость адаптации к постоянно изменяющейся религиозной политике в СССР привела к трансформации форм и методов осуществления религиозной деятельности: от легальных форм в первой половине 20-х годов к нелегальным формам с середины 30-х годов. Задача сохранения религиозной идентичности реализовывалась белорусскими общинами посредством замыкания в социокультурном пространстве общины, дистанцирования от участия в любых политических и административных мероприятий советской власти, что должно было защитить верующего от внедрения государства во внутреннюю сакральную сферу человека.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках Гранта ректора БГУ на 2024–2026 гг.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the BSU Rector's Grant for 2024–2026.

Литература

- Довгяло 2012 – *Довгяло Н.В.* Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 77–81.
- Довгяло 2014 – *Довгяло Н.В.* Религиозность населения БССР в 1920–1930-х гг. // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследванняў. Мн., 2014. С. 74–81.
- Калинина 2012 – *Калинина А.С.* Христианские конфессии советской Белоруссии в 1929–1939 гг.: активные и пассивные формы сопротивления // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4. С. 181–202.
- Калиничева 1972 – *Калиничева З.В.* Социальная сущность баптизма (1917–1929). Л., 1972. 141 с.
- Канфесіі 1998 – Канфесіі на Беларусі / рэд. У.І. Навіцкі. Мінск: Экаперспектыва, 1998. 340 с.
- Королева 2013 – *Королева Л.А., Королев А.А., Артемова С.Ф.* Власть и евангельские христиане-баптисты в России: 1945–2000 гг.: эволюция взаимоотношений. Пенза: ПГУАС, 2013. 336 с.
- Крапивин 1997 – *Крапивин М.Ю.* Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград: Перемена, 1997. 366 с.
- Крапивин 2003 – *Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г.* Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х гг). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 100.
- Лисовская 2024 – *Лисовская Т.В.* Трансформация модели государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в конце XIX – 1917 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 4. С. 128–141.
- Никольская 2009 – *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2009. 370 с.
- Потапова 2019 – *Потапова Н.* Евангельские христиане и баптисты России в революционном процессе 1917–1922 гг.: трансформация идентичности (по ма-

- териалам конфессиональной прессы) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 396–416.
- Романова 2012 – *Романова И.* Кляйменне Чырвонага дракона: Усесаюзны перапіс насельніцтва 1937 года і яго трактоўка ў сялянскім дыскурсе // *ARCHE*. 2012. № 3. С. 246–262.
- Романова 2019 – *Романова И.* «Вашей власти нам не надо»: противостояние верующих и власти (Лепельский район Белорусской ССР) // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2019. С. 280–290.
- Янушевич 2005 – *Янушевич И.И.* Конфессиональная политика советского государства: уроки истории: 1917–1928 гг. Мн.: Изд-во БГУ, 2005. 141 с.

References

- Dovgyalo, N.V. (2012), “Legislative basis of the BSSR policy in the field of religion in 1924–1939”, *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 77–81.
- Dovgyallo, N.V. (2014), “The BSSR population religiosity in the 1920s – 1930s”, in *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paljavyh i mizhdyscyplinarnykh dasledvannajaj* [Belarusian history. Experience, methods and results of field and cross-disciplinary studies], Minsk, Belarus, pp. 74–81.
- Kalinina, A.S. (2012), “Christian confessions of Soviet Belarussia in 1929–1939: Active and passive forms of resistance”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 3/4, pp. 181–202.
- Kalinicheva, Z.V. (1972), *Sotsial’naya sushchnost’ baptizma (1917–1929)* [The social essence of Baptism (1917–1929)], Leningrad, USSR.
- Koroleva, L.A., Korolev, A.A. and Artemova, S.F. (2013), *Vlast’ i evangel’skie khristiane-baptisty v Rossii: 1945–2000 gg.: evolyutsiya vzaimootnoshenii* [Power and Evangelical Christians-Baptists in Russia. 1945–2000: Evolution of relationships], PGUAS, Penza, Russia.
- Navitski, U.I., ed. (1998), *Kanfessii na Belarusi* [Confessions in Belarus], Ekaperspektyva, Minsk, Belarus.
- Krapivin, M.Yu. (1997), *Nepridumannaya tserkovnaya istoriya: vlast’ i tserkov’ v Sovetskoi Rossii (oktyabr’ 1917-go – konets 1930-kh godov)* [Uninvented church history: Power and church in Soviet Russia (October 1917 – late 1930s)], Peremena, Volgograd, Russia.
- Krapivin, M.Yu., Leikin, A.Ya. and Dalgatov, A.G. (2003), *Sud’by khristianskogo sektantstva v Sovetskoi Rossii (1917 – konets 1930-kh gg)* [The fates of Christian sectarianism in Soviet Russia (1917 – late 1930s)], Izdatel’sтво SPbGU, Saint Petersburg, Russia.
- Lisovskaya, T.V. (2024), “Transformation of the model of state-confessional relations in Belarus in the late 19th century – 1917”, *Science Journal of Volgograd State*

- University. Series 4. History. Areal Studies. International Relations*, vol. 29, no. 4, pp. 128–141.
- Nikolskaya, T.K. (2009), *Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 gg.* [Russian Protestantism and state power in 1905–1991], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia.
- Potapova, N. (2019), “Evangelical Christians and Baptists of Russia in the revolutionary process of 1917–1922: Transformation of identity (based on the materials of the confessional press)”, *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 1–2, pp. 396–416.
- Romanova, I. (2012), “Stigmatizing the Red dragon. All-union population census of the population of 1937 and its interpretation in peasant discourse”, *ARCHE*, no. 3, pp. 246–262.
- Romanova, I. (2019), “We don't need your power”: confrontation between believers and the authorities (Lepel district of the Byelorussian SSR)”, in *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1920–1950-e gg.* [Confessional policy of the Soviet state in the 1920–1950s], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 280–290.
- Yanushevich, I.I. (2005), *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva: uroki istorii: 1917–1928 gg.* [Confessional policy of the Soviet state: lessons from history, 1917–1928], Izdatel'stvo BGU, Minsk, Belarus.

Информация об авторе

Татьяна В. Лисовская, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; 220030, Республика Беларусь, Минск, пр-кт Независимости, д. 4; Lisouskaya@bsu.by
ORCID ID 0000-0002-5562-8466

Information about the author

Tatsiana V. Lisouskaya, Cand. of Sci. (History), associate professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; 4, Nezavisimosti Av., Minsk, Republic of Belarus; 220030; Lisouskaya@bsu.by
ORCID ID 0000-0002-5562-8466